

чалось от представлений господствующей церкви. В чем же заключалось это отличие? Стригольники не верили не только в предания апостольские и отеческие, но и в „евангельские благовести“, т. е. они не признавали евангелия с его учением о Христе, сыне божьем. А если это так, то, следовательно, они ставили под сомнение один из основных догматов учения официальной церкви — догмат троицы. В допустимости этого предположения подкрепляет нас дважды повторенные Фотием слова о том, что стригольники „бога отца себе нарицающе“. Далее, стригольники, повидимому, не признавали присущую православной церкви персонификацию, а также фетишизацию бога в виде икон и других его изображений. Недаром Фотий подчеркивает, что стригольники „на небо взирающе беху, тамо отца себе нарицають“ и, дальше, „от земля к воздуху зряще, бога отца себе нарицающе“. На основании этих высказываний Фотия можно предположить, что стригольники мыслили бога-отца как отца всего сущего, как безликую силу, находящуюся в природе. И подобно тому как во время исповеди, в порыве покаяния, они припадали к земле, так во время молитвы, в порыве экстаза, они обращали свои взоры к небу, к незримому богу. В основе этих представлений лежали, как нам кажется, те же стихийно-пантеистические мотивы, которыми было обусловлено существование у стригольников и обряда исповеди земле.

Что же представляло собой рассмотренное нами левое течение стригольничества? Как уже было отмечено, представители этого течения, повидимому, принимали все основные положения стригольничества об отрицании организационных и социальных основ православной церкви — именно это дало основание Фотию и, очевидно, не только Фотию, зачислить их в ряды стригольников. В то же время идеологи этого направления основное внимание обращали на разработку теоретических вопросов. И в этой области они пришли к чрезвычайно смелым заключениям: к стихийно-материалистическому по сути выводу об отрицании воскресения мертвых, к стихийно-пантеистическому представлению о божестве и к непризнанию троицы, продиктованному велениями рассудка. Таким образом, это было еретическое учение с ярко выраженным уклоном в рационалистичность.

Однако черты, присущие идеологии левого течения стригольничества, не могли быть типичными для этой ереси в целом. Как мы уже отмечали, Фотий в грамоте от 22 июня 1427 года четко отделяет от основной массы стригольников левое их крыло, отрицавшее воскресение мертвых. Далее, нам кажется, что элементы рационалистичности, характерные для воззрений стригольников левого крыла, требовали от лиц, придерживавшихся этих воззрений, высокой степени образованности.

Уже из того факта, что ересь стригольников была распространена в крупнейших городских центрах Руси — Новгороде и Пскове, мы можем заключить, что это была городская ересь, связанная с торгово-ремесленным населением посада. Об этом говорит и анализ социальных идей еретиков. Как мы уже указывали, ересь стригольников была направлена против социальных и материальных основ феодальной церкви. Идеалом стригольников была раннехристианская церковь с ее простотой, отсутствием пышной обрядности и духовенства, с ее уравнительными социальными тенденциями. Но это не дает основания рассматривать движение стригольников в качестве охранительного консервативного течения, как это делают некоторые авторы.¹ Объективно стригольники боролись

¹ А. Д. Седелников. Следы стригольнической книжности. Труды ОДРЛ, т. 1, Л., 1934, стр. 130.